

Адрес мечты



Ирина Щелова

Только для девчонок

Ирина Щеглова

Адрес мечты

«Автор»

2011

Щеглова И. В.

Адрес мечты / И. В. Щеглова — «Автор», 2011 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-52458-7

Катя давно спланировала свое будущее: окончить школу с отличием и поступить в университет. Она мечтает уехать из опостылевшей провинции в большой сверкающий мир! И пусть даже собственные родители в нее не верят, главное – у нее есть цель, а значит, никто ее не остановит... даже запавший в душу незнакомец, неожиданно ворвавшийся в Катину жизнь.

ISBN 978-5-699-52458-7

© Щеглова И. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ирина Щеглова

Адрес мечты

Глава 1

В творческом тупике

Дописав решение задачи, Катя отодвинула тетрадь и учебник на край стола, открыла ноутбук и зашла в папку «стихи», создала новый документ и быстро набрала:

*Подобно раненой тигрице,
Что в тесной клетке мечется от боли,
Душа моя...*

Дальше мысль не пошла, и Катя задумалась, уставившись на экран. Эти строчки возникли у нее в голове еще утром, причем непонятно, откуда возникли, и весь день она мысленно их повторяла. И вот только теперь, вечером, появилось время и возможность записать. Катя была уверена, стоит только набрать эти строчки, как тут же, сразу, родится целое стихотворение, а может, даже поэма... Так уже бывало. Достаточно было появиться некоему смутному образу или единственной строчке, как остальное дописывалось за один присест, словно только и ждало возможности проявиться в виде черных букв на белом фоне, выскочить из-под Катиных пальцев, едва касающихся кнопок клавиатуры.

Но вот же! Застопорилось! Она еще раз представила себе эту раненую тигрицу, ее страх и гнев на тех, кто запер, кто лишил свободы, кто причинил боль...

– Душа моя, – прошептала Катя и откинулась на спинку стула, – душа – моя, – повторила она, – тигрице – не скрыться...

В комнату вошла мама, остановилась за спиной, наклонилась, заглянула на экран.

– Ах, какие страсти, – произнесла насмешливо.

Катя мгновенно свернула запись, напряглась, повернулась к маме:

– Ну, чего тебе?

– Ничего, – ответила та, – я думала, ты еще уроки делаешь.

– Сделала уже.

– А сделала, так иди картошку почисть!

Катя со вздохом поднялась и отправилась на кухню. Поскольку раз и навсегда усвоила: чистить картошку, мыть полы и посуду, выносить мусор, ходить за хлебом, гулять с братом, отводить и забирать его из сада, короче говоря, выполнять все родительские поручения по первому требованию – ее священная обязанность!

И еще: с мамой лучше не спорить – поскольку себе дороже выйдет. Лучше молча сделать то, что она велела, тогда есть возможность избежать долгих и нудных наставлений, насмешек в Катин адрес и всяких других неприятностей.

К своим пятнадцати годам Катя научилась не вступать с мамой в пререкания, поэтому почти всегда избегала скандалов и стычек с ней. Бывало, конечно, что и не выдерживала, срывалась, повышала голос, пыталась что-то доказать, заранее зная, что ничего хорошего из этого не выйдет. Однако нервы-то не железные.

На этот раз она тоже сдержалась, дав себе слово молчать и не вступать в пререкания. Пусть говорит что хочет. Катя просто почистит картошку, и все!

Не тут-то было!

– Ты вот все стишки кропаешь, – начала мама, расположившись за столом с чашкой кофе, – только кому они нужны, стишки твои? Только время зря теряешь.

Катя тщательно очищала кожуру с картофелины.

– Твое дело, конечно, – продолжала рассуждать мама, – может, у тебя хобби такое. Я вот тоже стихи люблю, Есенина, например...

Катя положила очищенную картофелину в кастрюлю с водой и взялась за следующую.

Мама возвысила голос:

– Пожалуйста! Люби стихи! Но профессия должна быть серьезная, особенно у женщины! Вот, к примеру, врач – замечательная профессия. Может, ты в медицинский пойдешь? – без всякого перехода спросила она.

Катя сосредоточенно чистила очередную картофелину.

– Молчишь?! – воскликнула мама. – А мать дело говорит! Думаешь, я не знаю, о чем ты думаешь? Знаю!

– Чего ты привязалась? – миролюбиво спросила Катя. – Сама себя заводишь...

Мама в сердцах стукнула ладонью по столу:

– И не смей так со мной разговаривать!

– Да я нормально разговариваю, это ты... – начала было Катя, уже жалея о том, что вообще раскрыла рот.

Мама вскочила, прыгнула к Кате и, схватив ее за локоть, резко повернула к себе, из мокрых пальцев выскользнула картофелина и покатилась по полу.

– И повернись, когда с тобой мать разговаривает!

– Ну что ты творишь? – Катя освободила локоть и нагнулась за картофелиной.

– А ты не груби!

– Я не грублю. Ты уж определись, чего хочешь, чтоб я картошку чистила или тебя слушала, – буркнула Катя.

– И то и другое!

– Я не Юлий Цезарь, – огрызнулась Катя.

– Думаешь, сильно умная, да? – переспросила мама. – А того не понимаешь, что я тебе добра желаю! Кто еще пожелает ребенку добра, кроме матери?

Она снова уселась за стол, отпила остывший кофе, поморщилась:

– Вот я, к примеру, – начала она.

«Ну, теперь надолго», – подумала Катя, опуская последнюю картофелину в кастрюлю.

– Я всегда точно знала, что надо иметь в руках профессию, которая может приносить кусок хлеба, да... А все эти ваши дизайнеры-психологи – это так, фикция. Никому они не нужны. У соседки дочка тоже дизайнер, до сих пор дома сидит, работы нет.

– Это ее проблемы, в нашем городишке, естественно, ее специальность не востребована, надо уезжать, – нехотя отозвалась Катя.

– Да кому она вообще нужна! – крикнула мама. – А была бы нормальная специальность в руках, ее бы на комбинат взяли.

– Комбинат не резиновый, – буркнула Катя и поставила кастрюлю на плиту.

– Он же не единственный в стране.

Кате не хотелось продолжать разговор. Она знала заранее все, что скажет мама, все ее аргументы и требования. Все сводилось к одному – Катя должна идти учиться в мед или политех. Еще бухгалтеры хорошо зарабатывают. Все!

Соппротивление бесполезно и карается расстрелом на месте.

Катя взглянула на часы и спокойно удалилась из кухни.

– Ты куда это?! – вслед ей крикнула мама.

– Скоро пять, за Ванькой, – спокойно ответила Катя из прихожей, уже обуваясь.

Мама выскочила следом:

– Ты там смотри, хорошо его одень, капюшон завяжи, чтоб не спадал.

– Угу...

Она распахнула дверь и вышла на площадку.

Фух! Один-ноль в ее пользу. Мамуле не удалось довести дело до скандала и слез. Собственно говоря, довольно мирная перепалка, обычная, рядовая. Бывает похуже.

На улице сыро, дождик сеет. Катя не взяла зонт, но это ничего, до сада – рукой подать. В их городишке до всего рукой подать. Она шла и усмехалась. Послушать маму, так она в жизни добила неимоверного успеха! А какой успех – преподает в колледже спецтехнологии великовозрастным дебилам. Вечно жалуется на маленькую зарплату и большую загруженность, да еще и нервы треплют. Чего добила-то? Из родной деревни уехала, институт окончила, замуж вышла? Ну и что? У отца два диплома, правда, он и должность имеет высокую, и зарабатывает прилично, но какая разница, скажите на милость, между рабочим поселком, откуда он родом, и этим городишкой, куда он попал по распределению? На Катин взгляд – никакой! Поскольку она часто ездит в гости к деду с бабушкой, в тот самый поселок, и может судить. Ну, у них в городе, конечно, с работой полегче, в поселке давно все заглохло. Пенсионеры одни остались. Им хорошо: тишь да гладь!

«Но я не хочу, как они, – мучительно размышляла Катя, – всю жизнь думать только о работе и куске хлеба, а потом прозябать на пенсии».

Она вошла в садовые ворота, детей на участке не было, слишком сыро. Пришлось подниматься в группу.

Ванька вышел недовольный, то ли ужин не понравился, то ли подрался с кем-то. Чтоб не задерживаться, Катя сама быстро одела брата. Не хотела сталкиваться с противной воспитательницей. У Ваньки их было две: одна противная, другая – очень противная.

В раздевалку заглянула та, что просто противная.

– Ваня сегодня опять подрался, – заявила она.

– Зачем же ты дрался? – равнодушно спросила Катя.

Ванька нахмурился и промолчал.

«Моя школа» – Катя невольно улыбнулась.

– А мама где? – не отставала воспитательница.

– На работе, – соврала Катя, взяла брата за руку, шепнула: – «Идем! – Дважды просить не пришлось».

– Пусть завтра сама придет! – крикнула воспитательница.

– Угу... – привычно отозвалась Катя.

Брат шагал рядом, Катя крепко держала его за руку, так, на всякий случай, потому что он с характером. Убежит – ищи его потом.

Он шагал, опустив голову, и бубнил себе под нос:

– Я не пойду больше в сад! Не пойду! Сами ходите!

Катя благоразумно отшучивалась, надо было как-то переключить Ваньку, чтоб у него улучшилось настроение.

– Да ладно, чего ты... у тебя же там друзья и все такое, – напонила Катя.

– Не пойду!

– И что? Дома будешь сидеть?

– Ну и буду!

– А дома-то и нет никого, – сказала Катя.

– Неправда! Ты дома!

– Здрассьте! Я же в школу хожу!

– Ага! А потом приходишь! А меня спать заставляют! Я не люблю спать!

Катя очень хорошо понимала брата. Она ненавидела детский сад. Ненавидела до такой степени, что заболела, и родителям приходилось сидеть с ней дома по очереди. Но не стоило

рассказывать об этом брату. Надо было как-то примирить его с действительностью. И Катя предложила:

– Хочешь, я буду забирать тебя сразу после уроков?

Ванька взглянул на нее, снова опустил голову, задумался.

– Хочу. – Для убедительности он кивнул упрямой лобастой головой.

– Хорошо. – Катя тоже кивнула, и между ними сразу же установились доверительные отношения. Ванька подобрел, пошел быстрее и начал рассказывать обо всем, что случилось сегодня. Рассказывал он обстоятельно и подробно. И хотя Катя могла бы передать его рассказ слово в слово, потому что Ванькины дни мало чем отличались один от другого, но она все-таки терпеливо слушала, где надо угукала, где надо ахала или хмыкала. Это нехитрое действие позволяло ей думать о своем, потому что брат увлекался, не шалил, шагал рядом, крепко держа ее за руку.

Больше всего на свете Катя любила, оставшись в одиночестве, размышлять о чем-нибудь таком, важном для нее. А важного было много, ведь все время что-то происходило с ней или вокруг нее. Постоянно приходилось делать выбор, подчас непростой, принятие того или иного решения требовало времени, сосредоточенности, надо было как-то упорядочить собственные мысли, сделать выводы, вытащить главное из того хаоса, что частенько возникал в голове. Вот как, например, сегодня. Катю будоражили написанные несколько строчек стихотворения. Она не любила, когда ее прерывали. Еще бы! Ты, можно сказать, отвлеклась от всего, сосредоточилась, абстрагировалась, ушла в творческий процесс, а тебе. – «Пойди почисть картошку!» Конечно, и картошку тоже кто-то должен чистить. Но должно же быть у человека время для того, чтобы подумать, выразить себя, свои мысли. А иначе что получается? Мы рождены для того, чтоб есть, пить, спать, ходить в школу, работать, по выходным ездить на дачу, потом снова работать... «И так без конца до конца». – Кате пришла на ум строчка из полузабытой песенки, пропетой героем мультика про Синюю Бороду. Она невольно усмехнулась. Ванька дернул ее за руку.

– Кать, ты чего?! – требовательно спросил он.

Катя взглянула на брата и улыбнулась:

– Нет, ничего...

– А почему не отвечаешь?

– Извини, я не расслышала...

– Уши надо мыть, – проворчал Ванька, и добавил: – Кефиром.

Катя рассмеялась.

Они уже подошли к дому. Брат отпустил ее руку и побежал в подъезд. Катя направилась следом.

Глава 2

Мусорное ведро

Кто-то нажал дверной звонок. Катя выглянула из комнаты. Мимо пронеслась мама, с таким лицом, что Кате сразу стало понятно – будет скандал. Не спрашивая «кто?», мама резко распахнула входную дверь.

Спрашивать незачем. Это папуля явился. Наконец-то! Пальто нараспашку, на лице блаженная улыбка, а на часах двенадцатый час ночи. Пьян.

И мама уже успела позвонить и на работу, и на мобильный, и знакомым. Она бы и в милицию позвонила, такое уже было. Но в милиции ее бы вежливо послали. Там сидят ко всему привычные люди, подумаешь, чей-то муж где-то задержался!

Между тем папа, улыбаясь во весь рот, произнес:

– А, роднули мои, девочки, папулю встречаете...

– Нажрался, – констатировала мама и шумно вздохнула, с характерным всхлипом. «Сейчас будет плакать», – с тоской подумала Катя, наблюдая за родительской сценой.

– А папа немножко выпил. – Он попытался разутиться, но не получилось с первого раза. Еще бы, он и стоял-то с трудом.

«Вмешаться или нет?» – размышляла Катя. Пока она размышляла, мама метнулась на кухню, выскочила оттуда с мусорным ведром и сунула папе.

– Вынеси мусор! – выкрикнула.

Он взглянул в ведро и рассмеялся. Он смеялся и смеялся, а мама развернула его и вытолкала из квартиры. Стала спиной к двери, прижалась, взглянула на Катю невидящими глазами.

– С ума сошла? – тихо спросила Катя. – Куда ты его отправила?

– Пусть хоть что-нибудь сделает! – бросила мама.

– Что?! Вынесет мусор в полночь?! – сорвалась Катя.

– Да! – выкрикнула ей в лицо мама.

«По-моему, я тут единственный нормальный человек, – думала Катя. – Как же надоело-то все!»

Они стояли в прихожей и прислушивались к звукам подъезда. Тишина!

Мамино лицо покрылось красными пятнами, губы дрожали.

– Катерина, верни его...

Катя открыла было рот, но тут же захлопнула. Молча накинула пальто на домашний халат, сунула босые ноги в ботинки и, отстранив маму от двери, вышла на площадку. За спиной раздались всхлипывания.

«Надоели, надоели, надоели!» – бубнила Катя, сбегая по ступенькам.

– Когда же это все кончится! – в сердцах произнесла она, выходя из подъезда в холодную ноябрьскую ночь.

– Ну и где его искать? – спросила она у ночи.

И сразу же увидела отца неподалеку от подъезда. Недалеко ушел. Стоял на четвереньках у перевернутого ведра и пытался одновременно подняться и собрать мусор. Он все еще смеялся. Шапка свалилась с головы и откатилась в сторону. Катя шумно выдохнула, решительно подошла к отцу, помогла подняться.

– Дочурка, – обрадовался он, – а я тут, видишь... елки-палки, куда она меня послала...

Катя нахлобучила на него шапку, развернула к подъезду и подтолкнула в спину:

– Иди домой, я сейчас.

Он пошел, держась за стену дома.

Катя собрала рассыпавшийся мусор и направилась к ящикам.

Помойка располагалась аккуратно между домами, можно сказать, посреди двора, не слишком эстетично, зато всем одинаково близко.

Катя успела сделать несколько шагов, когда из-за угла вывалила толпа парней, вооруженных цепями и битами. Они бежали молча, но в тишине ночного двора их топот буквально оглушил Катю. Она застыла со своим ведром, не в силах сдвинуться с места, просто отойти в сторону, чтоб не быть растоптанной обезумевшим стадом бизонов.

Толпа перла прямо на нее, Катя смотрела и видела все, как в замедленной киносъемке.

«Убьют», – возникло в голове. Но и эта мысль не помогла, не оторвала от земли, не сдвинула.

Первый пронесся мимо, его глаза казались белыми от бешенства. Он даже не заметил ее. Зато второй, который тоже не заметил, выбил злосчастное мусорное ведро, и оно покатилося гроыхая под ноги другим бегущим.

Катя стояла истуканом, только инстинктивно втянула голову в плечи.

Один из бегущих внезапно остановился, поднял ведро, сунул Кате, пробормотал какие-то извинения и бросился догонять остальных.

Топот стих.

«Отомри же, дура!» – приказала себе Катя. Страх опустился в колени, и у нее чуть не подломились ноги.

– Фух! – выдохнула она и побрела к помойке.

Тело стало почти невесомым.

«Это от страха, – догадалась Катя, – выброс адреналина и все такое...»

Возвращаясь домой, она наконец обрела способность рассуждать спокойно.

«Куда они бежали? Опять где-то драка... Человек двадцать, не меньше... Район на район? Чего делят-то? Ужас, какие придурки! Снова кого-нибудь покалечат...»

В прошлом году, она помнила, тоже была большая драка между микрорайонами. Мальчишка какой-то домой дополз и на пороге умер. Мать открыла дверь, а он там... Ужас!

И ведь городишка крохотный, плюнуть некуда. Что за дикая агрессия? Откуда? Зачем?

Катя открыла дверь, вошла, отнесла ведро на кухню. Мама рыдала где-то в комнате, отец плескался в ванной.

– Мам, не надо его сейчас воспитывать, – попросила Катя, отводя глаза от заплаканного маминого лица.

– Уйди с глаз моих! – крикнула мама.

Катя пожала плечами и ушла к себе, заперлась, надеясь, что родители как-то сами уговорятся.

И слушала мамины крики, доносившиеся из-за стены, еще часов до двух.

«Неужели нельзя подождать до утра? – думала Катя, ворочаясь на своем диване. – Какой смысл воспитывать пьяного?»

Она любила родителей. Отца даже больше, чем маму. И никакой он не алкаш, хоть мама частенько так о нем отзывается. Просто что-то у них происходит, непонятное и неприятное. Что-то такое, из-за чего отец не торопится домой после работы, а предпочитает быть где-то еще. И Катя догадывалась где. Она слышала обрывки разговоров, когда мама жаловалась подругам на жизнь, слышала и родительские скандалы, мамины упреки и отцовские уклончивые ответы. Больше всего она пугалась, когда отец не выдерживал и тоже начинал повышать голос: «Не нравится, давай разведемся!» Это «разведемся» било по нервам и отравляло жизнь. Катя злилась на родителей, злилась на себя, на свое неумение все исправить, поговорить, доказать... Да и что там доказывать, если Катя понимала отца. Да, вот такая вот она ужасная. А может, именно потому и понимала, что была во всем похожа на него. Да и что тут понимать-то? Он в свои тридцать девять выглядел гораздо моложе тридцатишестилетней мамы. А маму после рождения Катинного брата изрядно разнесло, она стала раздражительной и, вместо того чтобы

стремиться похудеть, ела еще больше. А может, все наоборот, может, она и выглядит так и ведет себя так, словно хочет отцу сделать назло. Кто их знает, этих взрослых. Только ведут они себя как дети, честное слово!

А ведь Катя помнила их совсем другими. Раньше они любили друг друга, умели договориться, старались больше времени проводить вместе. Почему же все это ушло? Катя сравнивала их с другими родителями, сравнивала свою семью с семьями подруг, где, как ей казалось, все было благополучно. Вот у Ирки, например, родители вообще не ссорились, хотя мама тоже растолстела, но отцу на это было наплевать, или он не замечал. А у Милки в семье вообще была тишь да гладь, внешне, во всяком случае.

Так что же такое случилось с ее родителями? Почему мама набрасывается на отца, а он или хохмит, или морщится досадливо. Почему он пропадает по вечерам, почему начал пить?

Он разлюбил маму?

«Разлюбил» – слово такое же страшное, как и «развод». Даже пострашнее.

Катя сразу же представила себе себя замужнюю, с двумя детьми, растолстевшую. Вот приходит муж, правда, она не могла представить себе конкретного мужа, виделся кто-то расплывчатый, слово такое есть... да, гипотетический. И вот приходит этот гипопо... тетический муж, а она вся зареванная и толстая, и дети цепляются за подол халата. Фу!

А он такой: «Я тебя разлюбил, давай разводиться!»

Первое, что пришло в голову.

– Да пошел ты! – сквозь зубы процедила Катя.

Вот так. Она без сожаления отказывается от мужа. Но ведь это и не муж вовсе, а какой-то гиппопотам, которого Катя знать не знает и в глаза не видела, и детей никаких нет, и вообще она никого не любит. А мама отца любит, поэтому на его «давай разведемся» скрутила фигу и сунула ему под нос «а вот тебе!». И отец ничего не сказал в ответ, проглотил, отстранил ее и в комнату прошел.

Ну, хорошо, допустим, все обойдется, и они не разведутся. Потому что: а как же тогда Катя и Ванька? Они-то ни с кем разводиться не собираются.

Катя закрыла глаза, но веки как будто не желали подчиняться хозяйке, они жили своей жизнью, глаза закрывать не желали, совсем наоборот, они их открывали, да еще и моргали постоянно. Катя всматривалась в темный потолок над головой, ворочалась, перекладывала подушку, взбивала ее – сон не шел!

«Слишком много всего, слишком много... – думала Катя. – Да еще эта толпа во дворе...» Она вспомнила, как стояла, не в силах сдвинуться с места, а на нее неслись молчаливые, вооруженные чем попало парни.

Они могли просто толкнуть ее и пробежать по ее телу, даже не заметив... Но ведь один все-таки остановился. Почему? Почему из всей толпы остановился только один, поднял ведро, извинился? Единственный вменяемый? Но вменяемый человек не может, не должен был бежать с безумцами! Во всяком случае, она, Катя, не побежала бы. Но это она, а то – он, мальчишка, парень... У них там иерархия, стадный инстинкт, что еще? Не побежишь, а тебя потом – вон из стаи. Чокнутые они, эти мальчишки!

Катя вздохнула и мысленно пожелала удачи тому, кто остановился, чтоб поднять ее ведро.

«Пусть у него все будет хорошо и он не пострадает...»

Заснула под утро.

Глава 3

В школе

– Ни фига не сообщаю, – призналась Катя Милке на перемене после первого урока, – глаза закрываются, и все.

– Не выпалась? – спросила подруга.

– Да... мои вчера опять ругались...

– Папашкен опять перебрал? – Подруга понимающе кивнула, она знала о проблемах в Катинем семействе.

– Не то слово! Да еще и мама отчудила, заставила его мусор выносить, представляешь?! Милка хмыкнула.

– Ой, что там вчера было! – оживилась Катя. – Опять где-то драку устроили. То ли наш микрорайон побегал драться с соседним, то ли оттуда на наших напали... В общем, я не знаю. Но я как раз с этим ведром дурацким шла, а они на меня бегут, представляешь!

– Совсем озверели! – Милка покачала головой и уставилась на Катю. – Да ты сама-то как? Она отмахнулась:

– Я – нормально, не тронули. Да и на фиг я им сдалась...

Милка pokrutila пальцем у виска:

– Ну вы там со своим мусором, нашли время тоже!

– Да это все мама, – сказала Катя.

– А по-моему, у вас у всех крыша течет, – нагрубила Милка.

И Катя сдалась:

– Не знаю, может...

С Милкой она дружила давно, еще с детсадовского возраста. Ходили в одну группу. У них даже дни рождения почти в один день – в конце ноября. Из-за этого, кстати, они с Милкой пошли в школу не со своей группой, а на год позже. И теперь бывшие детсадовские друзья посматривали на них свысока, как старшие. А некоторые даже сочувствовали, мол, пришлось учиться с малолетками.

Милка все эти сочувствующие замечания игнорировала и держалась особняком, из-за чего ее недолюбливали в классе. А Кате по большому счету было наплевать, она общалась и с теми, и с этими. Хотя, если совсем честно, детсадовских девчонок не любила. Уж очень они кичились своей взрослостью. А с ребятами дружила: и с Мишкой, и с Серегой, и со Славкой. Был еще Игорек, но он учился вместе с подругами, тоже ноябрьский, бедолага. С ним у Кати не ладилось, он был влюблен в Милку, а Катю почему-то терпеть не мог.

Вообще, в классе периодически все были влюблены. Девчонки шептались на переменах, хихикали, забрасывали мальчишек эсмэсками, все время ссорились, разыскивали ВКонтакте страницы тех, к кому неровно дышали, следили друг за другом и за парнями, то и дело на сайте появлялся какой-нибудь компромат, кто-то с кем-то объединялся, чтоб наказать еще кого-то. «Мышиная возня, одним словом», – так коротко выразилась Милка. Катя была с ней согласна. Милка утверждала, что никогда не влюблялась. «В кого, скажи на милость?!»

И действительно, в кого? Катя скользила равнодушным взглядом по лицам мальчишек и не понимала, как можно влюбиться? И, главное, зачем?

Летом она ездила к деду с бабушкой, так там тоже все словно с цепи сорвались! Парни резко вытянулись, и когда Катя попыталась по-дружески общаться, как раньше, то была разочарована. У бывших мальчишек, ее друзей детства, тех, с кем она воровала арбузы по ночам, играла в волейбол, без всякой задней мысли гуляла по лесу, у всех у них резко изменилось отношение к Кате, а может, и ко всем девчонкам. Собираясь по вечерам на скамейке у ворот

чьего-нибудь дома или на бревнах, повзрослевшие мальчишки ломающимися голосами с над-рывом пели блатные песни, пили пиво, курили, и все это на показ, бравируя. Со стороны выгля-дело смешно. Мальчишки неумело подражали своим старшим братьям и отцам, сплевывали, ругались, норовили приобнять или ущипнуть за руку повыше локтя. Фу... Противно!

Приятельница Раечка шепотом рассказывала о своем парне, которого она обещала ждать из армии. Они встречались уже два года. Когда она рассказывала о нем, у Кати невольно рас-ширились глаза и «челюсть отвисла». Она-то считала Колю – так звали Раечкиного парня – порядочным молодым человеком, чуть ли не самым порядочным из всех, кого знала. И вот – нате. Здрасьте пожалуйста!

– А ты что? – переспросила Катя у Раечки.

– А ничего! Послала его куда подальше! – ответила та.

– Расстались? – не поняла Катя.

– Вот еще! – фыркнула Раечка. – Я ему заявила: «Женись сначала!» А он мне знаешь что?

– Что?

– Я, говорит, в армию иду, а ты тут другого себе заведешь! А я ему: если ты мне сейчас не веришь, то после и вовсе верить не будешь. Так что нам лучше сразу расстаться.

– А он?

Раечка пожала плечами и усмехнулась:

– Ничего, проглотил... Как миленький! Не хватало еще! Я знаю, кто ему этих песен напел! Дружбаны его – придурки! – Когда она говорила, у нее глаза сделались злые, Катя видела и все еще недоумевала.

– Раечка, но ведь тебе только шестнадцать! Ты действительно хочешь за него замуж? Ждать будешь?

– Почти семнадцать, – уточнила та, – да, собираюсь ждать, а что плохого? Но до свадьбы – ни-ни! Знаю я их! – И она для убедительности погрозила кому-то кулаком. – Сначала дай да дай, люблю – не могу! Разведет такой девчонку, а потом над ней смеется! Не на ту напали!

У Кати заполошно билось сердце и кровь прилиwała к щекам. Раечка старше ее на год, а рассуждает как взрослая женщина. Ну, выйдет она замуж за своего Колю, а дальше что? Что они будут делать вдвоем? Ни профессии, ни образования... Так и останутся сидеть в своем заштатном поселке, кур разведут, кроликов... Коля начнет пить, как все тут пьют, потому что работать негде и делать нечего. А до города 180 километров.

Навидалась Катя этих молоденьких жен. Раечкина подруга – Валя, ей девятнадцать, замуж вышла, как раз в начале прошлого лета. Свадьбу гуляли всей улицей. А потом Валя прибежала к Раечке и, оттянув ворот халатика, хвасталась синяками на шее.

– Он что, бил ее, что ли? – осторожно спросила Катя у Раечки, когда Валя, сославшись на занятость, убежала.

Раечка покосилась на Катю и заявила свысока:

– Ты что? Маленькая? Это засосы! Любит он ее сильно, поняла?

Катя кивнула, не решившись признаться, что ничего не поняла. Но потом, уже вернув-шись домой, она все думала и думала, и никак не могла понять такой «любви». Не могла пред-ставить себе, как кто-то чужой ляжет с ней в постель и будет распоряжаться ее телом, после чего на нем останутся вот такие, как у Вали, отвратительные следы.

«Ни за что! – твердила Катя. – Не пойду замуж!»

Вернувшись домой, она, естественно, поделилась с Милкой своими мыслями. У той лицо осталось непроницаемым и равнодушным.

– Фигня это все, – заключила подруга, – они там на свежем воздухе созревают быстрее, чем мы тут, в городе. В Африке вон тоже...

– Ты еще сюда какую-нибудь Бразилию приплети, – рассмеялась Катя, – раньше и у нас замуж выдавали в тринадцать, четырнадцать, в деревнях особенно. Так что мы с тобой уже

старушки! Помнишь, у Пушкина, в «Метели»? – и Катя продекламировала: —...Она была уже не молода, ей минуло двадцать...

– Ну, до двадцати еще дожить надо, – усмехнулась Милка, – и потом, ты видела, какие бывают парни двадцатилетние? Очень даже ничего!

Катя тут же представила себе своего соседа – здорового красавца Вадьку. Что и говорить, смотреть на него – одно удовольствие, с буйными темными кудрями, кареглазый, лицо точеное, прям хоть картину пиши – какого-нибудь «Демона», как у Врубеля. А поговорить – дурак дураком и уши холодные! Да еще и пристаёт вечно! Надоел до ужаса! В подъезд заходить страшно.

– Ну, не знаю, – вздохнув, отозвалась Катя.

– Забудь, – посоветовала Милка. – Лично мне в нашем городишке никто не нужен. Я себе получше найду. А это все, – она сделала широкий жест руками, – музыка для бедных.

Нет, Катя не спорила. Может, конечно, и для бедных. Вот, по телевизору показывали девушек из провинции, тех, кто вырвался из маленьких городков и поселков, тех, которые чего-то добились. Они тоже говорили, что с самого раннего возраста всеми силами мечтали уехать, рассказывали о том, как им ужасно жилось, как они из кожи вон лезли, только бы уехать! Но ведь уехать мало. Надо еще и удержаться там, куда уехала. Надо образование получить, работу найти, надо быть сильнее, умнее, красивее конкуренток.

И все эти успешные девушки в один голос утверждали, что ни о каких парнях они не думали. Боялись их, сторонились!

Так что, Милка, пожалуй, права. Надо сразу поставить себе цель и не отвлекаться на всякие глупости. Катя и не отвлекалась. Просто... Ну, можно же с кем-то пообщаться... Нет, ничего серьезного, так... Для общего развития... Не обязательно влюбляться, но если вдруг встретится такой парень, хороший, в общем... Нет, она не собирается никого специально искать. А вдруг?

О принцах, разумеется, речи нет, но даже в Катиной школе наблюдались вполне приличные ребята. Их идиотами никак не назовешь. Катя была уверена в том, что они после школы учиться поедут. И кто знает, кем они станут через несколько лет...

Глава 4

Мечты

Это была излюбленная тема у подруг: когда же, наконец, закончится эта дурацкая школа и можно будет свалить из надоевшего серого мирка в большой сверкающий мир. Будущее и пугало своей неопределенностью, и будоражило, и манило. Уж там-то, в этом необозримом светлом будущем, их ждут настоящие принцы! Еще бы! В светлое будущее придурков не пускают, им там просто нет места. Всякие-разные отморозки останутся в сером безрадостном прошлом и буду влачить жалкое бесцельное существование в таких мелких городишках, где зачем-то обосновались родители Кати и Милки.

Катя не раз спрашивала у родителей, зачем они сюда приехали? И каждый раз слышала «по распределению». Мама еще добавляла, мол, здесь сразу квартиру давали, а в других местах пришлось бы годами ждать, ну и еще про то, что кому были нужны нищие студенты, без связей? Мама вообще часто говорила о том, что на жизнь надо смотреть реалистично и не ждать каких-то невообразимых чудес. И мечтать не надо. А надо учиться, получать специальность, которая поможет заработать на кусок хлеба, ну и все такое прочее, давно набившее оскомину. Поэтому стоило Кате заикнуться о том, что она хочет поступать на журналистику, как мама начинала насмехаться.

– Какая журналистика? Кому ты там нужна? Там от своих отбоя нет, а тут еще ты! Только время зря потратишь! Да и не поступишь ты... а если и поступишь, что потом? Кто тебя будет продвигать? У нас нет таких связей, мы люди простые, без выкрутасов. Так что не суйся, не порть себе жизнь. Сук надо по себе рубить.

Ее слова звучали вполне убедительно. Временами Катя даже начинала верить маме. Ведь она ей добра желает, она старше, умнее, лучше знает жизнь. Но что же тогда получается? А получается, что ей – Кате, нет хода из маленького городишки в большой блистающий мир. Ей надо смириться с той жизнью, которой живут все ее знакомые. И стремиться ни к чему не надо, а надо жить, как другие, не высовываться и быть довольной тем, что есть. Весьма безрадостное будущее рисовалось Кате, пугающее и бесперспективное. Зачем тогда жить? Для чего учиться? Не проще ли забить на все, шататься по городу, сидеть допоздна у подъезда, хихикать над плоскими шуточками соседских парней, выскочить за кого-нибудь замуж...

Ну уж нет! Стоило только представить себе такую жизнь, становилось совсем худо. Катя встряхивала головой, прогоняя мрачные мысли, и приказывала себе никогда так не думать! Никогда!!!

Потому что – и она хорошо понимала это – в ее городе жили не только придурки и отморозки, но и вполне приличные люди, такие, как ее родители и родители Милки, Иры, многих ее одноклассников. Они все были нормальными людьми, волею случая обитающими именно в этом городе. А таких городов в стране – многие тысячи! И нормальных людей гораздо больше, чем плохих. Если бы было наоборот, то мир давно бы рухнул.

И, если уж совсем честно, то и парни хорошие тоже есть. Например, Катин сосед снизу – Сережа, или Игорь из третьего подъезда. А еще им с Милкой нравился Олег, только он уже в одиннадцатом классе, а Милке нравится одиннадцатиклассник Илья, да и самой Кате он тоже немного нравится. Ну, может, больше из солидарности с Милкой... Но чтоб влюбиться – нет! Катя никогда ни в кого не влюблялась, как и Милка. И они даже гордились этим.

Но когда все вокруг только и говорят о любви, когда о ней написано во всех книгах, когда по телевизору – тоже любовь, становится как-то неуютно, не по себе, что ли... Какая она – любовь?

Прошлым летом деревенская подружка буквально навязала Кате одного парня. Его звали Сашей. Он был не из их компании, так, иногда приходил посидеть на бревнах. Катя сразу выделила его из всех, потому что он не матерился, не пил пиво, не курил и вообще вел себя не так, как ее приятели. Нормальные, в общем, мальчишки, только очень уж развязные. «С виду дядьки, а умом – младенцы», – пренебрежительно отзывалась приятельница. Катя откровенно скучала и предпочитала валяться с книжкой в гамаке. От скуки вечером выходила на бревна, или в парк, или «на дискотеку». И все время страдала из-за того, что даже поговорить толком не с кем.

А тут этот Саша, такой спокойный, аккуратный, и лицо у него открытое, чистое, и глаза красивые. А подруга рада стараться: «Он тебе понравился? Да? Понравился? Я сразу заметила! Хочешь, я вас сведу?» Катя испугалась, что значит «сведу»? Ерунда какая-то! Но подруга не отставала:

– Будет здорово, если мы будем гулять двумя парами: я с Колей и ты с Сашей. Все обзавидуются!

– Да почему я должна с ним гулять?! – пугалась Катя. – Я просто хотела пообщаться...

Раечка подхватила:

– Вот и общаетесь! Он парень нормальный. Семья хорошая. Мама учительница, а не кто-нибудь там...

– Да, но зачем нас сводить? – не понимала Катя.

– Ну а как еще? – удивилась подружка.

Катя пожала плечами:

– Не знаю...

– Не знаю! – передразнила Раечка. – Зато я знаю. Вот, сегодня вечером он тебя позовет пройтись, так ты не отказывайся.

Катя испугалась еще сильнее:

– Откуда ты знаешь, что позовет?

– Знаю, – загадочно сообщила Раечка.

Вечером было прохладно после дождя и сыро. Катя накинула куртку и вышла на улицу. Было еще светло. На бревнах уже сидели, подстелив куски клеенки. Парни заулыбались, увидев Катю, подвинулись, давая место. Раечка многозначительно улыбнулась. Она сидела в обнимку со своим Колей, а рядом – Саша. Катя взглянул на него, и ей показалось, что он бледнее обычного. Она отказалась садиться, замерла нерешительно, хотелось уйти домой, и она лихорадочно искала предлог, чтоб никого не обидеть. И в этот момент Раечка медленно поднялась со своего места, потянула за руку Колю.

– Ну, мы пойдем, – сообщила, ни к кому конкретно не обращаясь.

Парни, как обычно, немного позубоскалили, отпуская плоские шуточки, но негромко и беззлобно, а так, вроде положено.

Саша тоже поднялся и шагнул прямо к Кате.

– Прогуляемся? – спросил напряженно.

То ли от неожиданности, то ли машинально, но она безвольно кивнула и пошла рядом, следом за удаляющимися Раечкой и Колей.

Катя испытывала мучительную неловкость, Саша, судя по всему, тоже. Некоторое время они молчали. Но потом Саша попытался начать разговор. Спросил ее, часто ли она приезжает к бабушке и как ей тут нравится. Вежливый такой вопрос, ничего не значащий. Но она ответила, тщательно подбирая слова, что да, приезжает часто, и ей нравится. Хотя понимала, Саше, скорее всего, все про нее известно, в деревне ничего не скроешь, все на виду. Потом он зачем-то спросил, как называется ее город. Выслушав ответ, покивал, сказал «здорово жить в городе – не то что у нас, в захолустье...» Катя подумала: «Знал бы ты, какое у нас захолустье!» – но промолчала. Разговор не клеился. Саша изо всех сил старался, но получалось у него не очень.

Они бродили по сырым поселковым улицам, стараясь не касаться друг друга локтями. Кате хотелось домой, но как сказать об этом Саше?

– Ты не замерзла? – поинтересовался он.

– Нет, – честно ответила она.

– Посидим? – Он указал на скамейку у чьего-то забора. Катя согласилась. Она окончательно потеряла всякий интерес к Саше. Если раньше он казался ей симпатичным, то теперь, озябший и бледный, вызывал даже не жалость, а легкое отвращение. И еще он был нудным! Ужасно нудным! Ну просто невозможно! Как же это парень может быть таким! Он медленно произносил слова, часто повторялся, словно отвечал плохо выученный параграф из школьного учебника.

– Уже поздно, – решила Катя, – домой пора...

Он слегка встрепенулся, даже щеки зарозовели.

– Посидим еще немного! – почти взмолился.

Катя вздохнула:

– Ну, если немного...

Он робко взял ее за руку, склонился вперед, рассматривая что-то под ногами.

– Я книгу читал недавно, – начал Саша, – там тоже... про одного парня... он девушку полюбил... Там описано, в общем, у нее на виске билась синяя жилка, и ему очень хотелось поцеловать ее в этот висок...

Катя покосилась на него, неужели он намекает на поцелуй? Он не повернул головы, так и сидел, согнувшись, только резче обозначились скулы, и губы были плотно сжаты.

– Хорошая книга? – светским тоном поинтересовалась Катя. – Как называется?

Он наморщил лоб:

– Не помню...

– Жаль... Саш, ты извини, но мне действительно пора.

Он безропотно проводил ее до калитки, пожал руку на прощанье. Спросил, выйдет ли она завтра.

– Посмотрим, – неопределенно ответила Катя.

Дома перед зеркалом она вглядывалась в свое отражение, пыталась рассмотреть синюю жилку на виске, и не нашла никакой жилки. Катя прислушалась к себе: никакого трепета, ничего, даже отдаленно напоминающего тот любовный восторг, о котором так много пишут в книгах и показывают в кино.

С Сашей она потом встречалась еще пару раз, а после старательно свела их знакомство на нет. Аккуратно, чтоб не обидеть.

Раечке объяснила так:

– Он не герой моего романа.

Подруга выслушала довольно равнодушно. Оказалось, Саша тоже не был влюблен, ему просто нравилось гулять с городской девчонкой.

Глава 5

Рыцарские турниры

Совсем другое дело сосед Сережа. Он жил этажом ниже, и они с Катей частенько перестукивались по батарее.

Родители получили эту квартиру, когда Кате исполнилось тринадцать. До этого жили в крохотной хрущевке с проходными комнатами. Переезжали недалеко – в новый микрорайон по соседству. У них в городе все недалеко. Катя помогала разгружать вещи, как вдруг к ним подошел незнакомый парень, вежливо поздоровался, перехватил у Катиной мамы коробку, осведомился, на какой этаж нести, и быстренько взбежал наверх. Потом подошел мужчина, как оказалось, отец Сережи. Все вместе они скоро перетащили вещи и как-то так сразу подружились. Точнее, у родителей возникли такие добрососедские отношения, когда можно запросто заглянуть друг к другу, спросить соли или еще чего-нибудь.

– Люди они, конечно, простые, – говорила мама, – но очень хорошие. И дети замечательные. Что значит, правильное воспитание!

С Сережей виделись не часто. Он учился в колледже при комбинате, так что застать его дома было практически невозможно. Да и у Кати свободного времени совсем не было. Но иногда, иногда она приходила домой пораньше, если, например, не было последнего урока, и у нее выдавалась пара часов абсолютной свободы. И находило такое настроение, когда ничего не хочется делать. Тогда Катя просто выходила на балкон или смотрела в окно.

Однажды, в прошлом году, дело было уже весной, в середине марта, она увидела, как Сережа возвращается домой. Он поднял голову, как будто случайно, как будто почувствовал ее взгляд. Он сразу же заметил Катю, улыбнулся, махнул рукой. Она махнула в ответ. А спустя несколько минут услышала негромкий стук по батарее. Сначала подумала, что у кого-то из соседей что-то чинят. Но стук повторился, а потом и телефон зазвонил. Катя ответила.

– Привет, соседка, – услышала она Сережин голос, – я стучу, стучу, а ты не отвечаешь.

– Так это ты стучишь! – удивилась Катя. – А я не поняла... А зачем?

Он засмеялся:

– Да просто, мы в старом доме всегда перестукивались.

– А-а...

– Что делаешь?

– Бездельничаю. – Она невольно улыбнулась. – А ты только что из колледжа?

– Ага, четыре пары было, потом еще автобус ждал.

– А я сегодня пораньше освободилась...

– Ты хоть бы в гости пригласила, соседка, – весело предложил он.

Катя, хоть и растерялась немного, но все же согласилась:

– Приходи, конечно.

Он замялся:

– Точно? А то скажешь: вот, навязался на мою голову!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.